

Екатерина Воронина

Водители

Анатолий Рыбаков

ЕКАТЕРИНА ВОРОНИНА

ВОДИТЕЛИ

Сборник

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)
Р93

Рыбаков, А.

Р93 Екатерина Воронина. Водители: Сборник / А. Рыбаков. –
М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2021. – 524 с.

ISBN 978-5-521-74723-8

Первые произведения Анатолия Рыбакова (1911—1998), автора романов «Тяжёлый песок», трилогии «Дети Арбата», «Кортик» и «Бронзовая птица», завоевавших всемирное признание, это роман о женской судьбе Катерины Ворониной, прошедшей войну, ложь и обман возлюбленного, но всё-таки нашедшей свое счастье, и производственный роман «Водители» — книга о шофёрах и шофёрском труде, о радостях и горестях рабочего человека, это рассказ о поколении людей, начавших свой путь в новом постреволюционном государстве и принявших на свои плечи главный груз поколения — победу в Великой Отечественной войне.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(2)
ВІС FA
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2021

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

© Текст. А. Н. Рыбаков, наследники, 2021

ISBN 978-5-521-74723-8

ЕКАТЕРИНА ВОРОНИНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поселок Кадницы двумя ярусами расположился на правом, высоком, берегу Волги, в сорока километрах от Горького. От пристани к поселку дорога идет лугом, полным комаров и сырых, пьянящих запахов. Меж кустов ежевики, шиповника, черемухи блестят небольшие озера. За лугами темнеют громады приволжских лесов.

Речонка Кудьма, мелкая и несудоходная, с глубокими омутами и придонными холодными родниками, опоясывает гору, на которой стоит село. На берегу разбросаны лодки, висят на кольях сети.

Сразу за шатким деревянным мостиком начинается подъем в гору, вначале отлогий, затем все более крутой. Бревенчатые хибары и двухэтажные каменные дома тесно прижимаются друг к другу, образуя извилистые улочки, разделенные садами и огородами.

С горы, где и сейчас стоит ветхая церковь, открывается широкий вид на Волгу. Здесь она еще не так бескрайна, как за Камским устьем. Но, уже приняв Оку и медленно неся свои синие воды меж правым, высоким, лесистым берегом и левым, луговым, она являет собой могучее и незабываемое зрелище.

Возле церкви — глубокие рвы, поросшие редкой травой и мелким кустарником. В четырнадцатом веке татары казнили здесь русских пленных, что создало жестокую славу этому месту и дало ему название «Казницы».

Много позже тут возникло поселение. Жители его изготавливали из дуба и липы кадки, или, как их тогда называли, кадницы. Однако это занятие, изменившее одну букву в романтическом названии села и навсегда закрепившее за ним новое — Кадницы, было временным и побочным. Главным стало бурлачество. Ярмарки — рядом, сначала Макарьевская, затем Нижегородская, на подходах к ним самые тяжелые для судов перекаты — Голошубинский, Кадницкий, Кирпичный, а под Нижним — знаменитый Телячий Брод.

Весной, великим постом, тысячи бурлаков из ближайших уездов Нижегородской губернии и северных уездов Пензенской приходили сюда на бурлацкий базар. Оброчные крестьяне, городская голытьба, беспаспортные бродяги — нищие, оборванные, голодные люди шумели, волновались, посылали десятников к нанимателю, спорили, не соглашались, хотя все знали, что примут хозяйские условия: нужно отрабатывать прошлогодний долг — кабалу, — и деваться все равно некуда.

Получив увольнительные виды и напившись в последний раз хозяйского вина, бурлаки посуху отправлялись вниз, к стоянкам судов, — в Астрахань, Самару, Хвалынский, присоединяясь по пути к тысячам нижегородских, пензенских, вятских, симбирских, тамбовских, рязанских, ярославских и иных губерний мужиков, которых нужда гнала сюда, на Волгу-матушку, широкую дорогу — долгий путь...

«Нечем платить долгу — ехать на Волгу». Каторжная здесь работа, изнурительна лямка, оставляющая на груди темный рубец, а все же нет ни помещика, ни бурмистра, ни своей постылой нищей избы. Есть простор, и воля, и заунывная бурлацкая песня, и Астрахань — Разбалуи-город. Арбузы и дыни здесь нипочем. И куда прохожий или проезжий ни зайди, везде его принимают, вида не спрашивают, все к его услугам — и вино, и женщины, были бы только деньги.

И не знаешь, с чем отсюда уйдешь — с рублем или с костылем, пробираясь до дому Христовым именем, а то и вовсе не придешь, подохнешь где-нибудь на пустынном волжском берегу — «тянешь лямку, пока не выроют ямку». Зато посмотришь, как перед зеленой громадой Жигулей замирает сердце купчины-хозяина. Кладет он земные поклоны — пронеси, мол, господи, это место, а то налетят молодцы-разбойнички, и отзовутся ему тогда кровомозольные бурлацкие деньги.

Здесь, на Волге, забитый крепостной мужик видел свое государство-державу не в фуражке пьяного урядника, а обнимал все одним взглядом — леса, тверские, костромские, муромские, ярославские, и Оку, проносящую свои воды через всю коренную Россию, и Каму, текущую с самого Урала, и мордву, черемисов, татар, чувашей, и хлебные губернии Нижнего Поволжья, и дороги на Среднюю Азию у Самары и Сызрани, и царицынские смыкающиеся с Доном степи, и персов, и кавказцев в Астрахани. Тысячеверстные просторы, величественные в своей простоте и безыскусственности, где столетиями формировался характер волгяря — человека разгульного и деловитого, непоседливого и

работающего, всегда устремленного к новым местам и землям.

Бесчисленные поколения кадницких бурлаков, в течение столетия топтавших бурлацкую тропу — бечевник от Астрахани до Нижнего, — породили знаменитых на Волге кадницких лоцманов, знавших реку и в половодье и в межень как свои пять пальцев. Отправляясь в плавание, лоцманы брали с собой жен и детей — будущий волгарь знакомился со своей кормилицей-рекой с пеленок. Именно из Кадниц произошли наиболее известные на Волге лоцманские, а с развитием пароходства и капитанские семьи: Бармины, Вахтуровы, Сутырины, Неверовы, Лихины, Маметьевы. Со временем появились на Волге и другие села, поставляющие кадровых речников: Доскино, Голошубиха, Шава, Бахмут — лоцманов, Луговой Борок — водоливов и шкиперов, Ундеры и оба Услона, возле Казани, — грузчиков-татар, Сергачи и Брамзино — грузчиков-русских, Козьмодемьянск и Промзино — плотогонов. Но слава родины волгарей осталась за Кадницами.

Среди капитанских семей одной из стариннейших была семья Ворониных. Предки их пришли с тамбовской реки Вороны. Еще подавно были живы старики, помнившие Никифора Воронина — известного в свое время волжского лоцмана, который провел сквозным рейсом от Нижнего до Астрахани один из первых на Волге пароходов.

Отец Никифора до шестидесяти лет ходил «шишкой» — передовым в лямке. Опытный бурлак, он умел выбирать тропку и, не оглядываясь, чувствовал, кто тяги не дотягивает. Всю жизнь ходил в лямке, в лямке и умер.

Шли однажды бечевой в Костычах по тяжелому, обрывистому берегу, утопая в глубокой, вязкой грязи. Верховой ветер — горыч — гнал по воде валы с беляком, сносил судно, бечева тащила за собой бурлаков. Но торопился хозяин, спешил к ярмарке с дорогим рыбным товаром. Перекинув лямки вместо груди на спину, измученные бурлаки поворачивались лицом к уносимому ветром судну и, крепко уцепившись руками за бечеву, наваливаясь всем корпусом на лямку, жалобно пели:

Ох, матушка Волга,
Широка и долга,
Укачала, уваляла,
У нас силушки не стало.

Расшиву вытянули. Только старик Воронин уже не поднялся. Тут же, на берегу, его и похоронили. А когда пришли в Нижний, хозяин вычел из Никифорова заработка стоимость пути, который не дошел его отец. Никифор знал хозяйские порядки: с одиннадцати лет плавал артельным кашеваром, с пятнадцати впрягся в лямку, а потом за ловкость-повертливость перевели подручным лоцмана. Но не промолчал — характером был отчаянный, рискованный, озорной, не чета другим бурлакам, которые только в плесе буяны, а дома бараны.

Узколицый, рябоватый, с волосами соломенного цвета, перехваченными со лба на затылок черным, блестящим от пота ремешком, он посмотрел на хозяина серыми разбойничьими глазами и, зловеще улыбаясь, спросил:

— Чужой бедой разжиться хочешь?

— Чем недоволен — жалуйся. Есть на то Судоходная расправа, — мирно ответил хозяин. Потом повернулся и